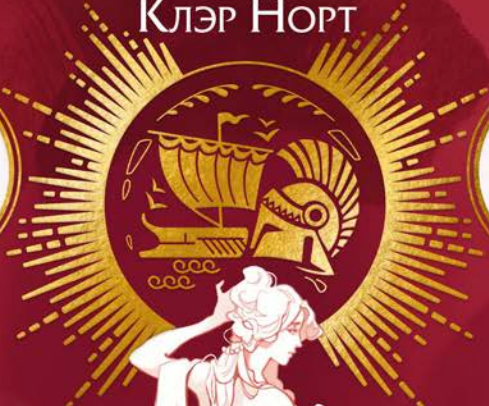

Перевод Ирины Меньшаковой

КЛЭР НОРТ

ДОМ ОДИССЕЯ

фэнтези

МИ∞

Red Violet. Темный ретеллинг

КЛЭР НОРТ
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ИРИНЫ МЕНЬШАКОВОЙ

ДОМ ОДИССЕЯ

Москва
МИФ
2024

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)6-449
Н82

Original title:
House of Odysseus
by Claire North

На русском языке публикуется впервые

Норт, Клэр

Н82 Дом Одиссея / Клэр Норт ; пер. с англ. И. Меньшавковой. — Москва : МИФ, 2024. — 480 с. — (Red Violet. Темный ретеллинг).

ISBN 978-5-00214-340-5

Не так давно на песках острова Итака Орест, сын Агамемнона, казнил мать и вернулся в Микены, чтобы занять трон. Хотя он не мог поступить иначе, чувство вины медленно сводит его с ума. Тогда его сестра Электра устраивает возвращение Ореста на Итаку в надежде, что мудрая Пенелопа найдет способ излечить его вдали от любопытных взглядов микенцев и Менелая, царя Спарты, который страстно желает занять престол племянника.

Оказавшись в ловушке между двумя безумными царями, Пенелопа, Электра и верные служанки сражаются за судьбу острова в мире, где правят безжалостные мужчины, под ироничные комментарии рассказчицы — богини Афродиты.

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)6-449

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.*

ISBN 978-5-00214-340-5

Copyright © 2023 by Claire North
First published in the United Kingdom
in the English language in 2023 by Orbit,
an imprint of Little, Brown Book Group.
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2024

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семейство Одиссея

Пенелопа — жена Одиссея, царица Итаки

Одиссей — муж Пенелопы, царь Итаки

Телемах — сын Одиссея и Пенелопы

Лаэрт — отец Одиссея

Антиклея — мать Одиссея

Советники Одиссея

Медон — старый, лояльно настроенный советник

Эгиптий — старый, но не столь лояльный советник

Пейсенор — бывший воин Одиссея

Женихи Пенелопы и их родственники

Антиной — сын Эвпейта

Эвпейт — хозяин доков, отец Антиноя

Эвримах — сын Полибия

Полибий — хозяин житниц, отец Эвримаха

Амфином — греческий воин

Кенамон — египтянин

Служанки и простой народ

Эос — служанка Пенелопы, ответственная за расчесывание ее волос

Автоноя — служанка Пенелопы, ответственная за кухню

Меланта — служанка Пенелопы, ответственная за рубку дров

Мелитта — служанка Пенелопы, прачка

Феба — служанка Пенелопы, воплощение дружелюбия

Эвриклея — старая няня Одиссея

Отония — служанка Лаэрта

Женщины Итаки

Приена — воительница с Востока

Теодора — сирота с Итаки

Анаит — служительница Артемиды

Урания — глава шпионов Пенелопы

Микенцы

Электра — дочь Агамемнона и Клитемнестры

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры

Клитемнестра — жена Агамемнона, двоюродная сестра Пенелопы

Агамемнон — завоеватель Трои, убитый Клитемнестрой

Ифигения — дочь Агамемнона и Клитемнестры, принесенная в жертву богине Артемиде

Пилад — названный брат Ореста

Ясон — воин из Микен

Рена — служанка Электры

Клейтос — жрец Аполлона

Спартанцы

Менелай — царь Спарты, брат Агамемнона
Елена — царица Спарты, двоюродная сестра Пенелопы
Никострат — сын Менелая
Лефтерий — капитан стражи Менелая
Зосима — служанка Елены
Трифоса — служанка Елены
Икарий — отец Пенелопы
Поликаста — жена Икария, приемная мать Пенелопы

Другие смертные, как живые, так и усопшие

Парис — троянский царевич
Дейфоб — троянский царевич
Ксантиппа — служительница Афродиты

Боги и божества

Афродита — богиня любви и страсти
Гера — богиня матерей и жен
Афина — богиня мудрости и войны
Артемида — богиня охоты
Эрида — богиня раздора
Фурии — воплощенное мщение
Калипсо — нимфа
Фетида — нимфа, мать Ахиллеса

Они явились к моему храму на закате, с пылающими факелами в руках.

Огонь, принесенный ими, теряясь на фоне пламенеющего горизонта, лишь очерчивал золотом края их бронзовых шлемов. Припозднившиеся молящиеся разбежались, пока скрытые щитами воины взбирались по узкой тропке, выходящей по склону холма, взрезая облако ароматов жасмина и роз дыханием, с шумом вырывающимся из их весьма недурно вылепленных грудин. Подобный гимн атлетичности — все эти умащенные маслом бицепсы и отлично прокачанные икры — привлекает внимание издалека, и потому моя жрица, прекрасная Ксантиппа, успела занять позицию на верхней из трех массивных ступеней, ведущих к портику с колоннами. Волосы ее были уложены высоко, а вырез туники опущен низко. Одна из молоденьких служительниц была послана за букетом желтых цветов,

которые жрица могла бы баюкать в руках, словно мать — младенца, но, увы, девчонка оказалась копушей и не успела вовремя доставить необходимое для завершающего штриха, из-за чего ей пришлось притаиться за спиной сестер и судорожно сжимать злосчастные лепестки, словно среди них прятался скорпион.

— Добро пожаловать, славные странники, — провозгласила Ксантиппа, едва первые солдаты приближающейся колонны оказались там, куда долетал ее глубокий голос. Неприлично спрашивать у женщины о ее возрасте, но эта была настоящим олицетворением зрелой красоты, когда и веселые морщинки, и лукавый изгиб губ, и отточенный взмах благоухающей ручки как будто говорят: «Я, быть может, и не молода, но зато сколько всего интересного умею!» Однако мужчины не ответили любезностью на любезность; вместо этого они выстроились полукольцом в нескольких шагах от встречающей их женщины, окружив вход в храм, будто логово ядовитых гадов. Далеко на западе последние лучи закатного солнца раскрасили розовым и золотым узкую полосу затихшего моря. Над гнездовьем, выстроенным в тени моего алтаря, кружили чайки, а яркие флаги трепетали на ветру и рвались с веревки, натянутой между одной из колонн и сосной вблизи храма.

Затем, не произнеся ни слова, мужчины, облаченные в бронзу, в шлемах, украшающих головы, держа руки на мечах, двинулись на храмовниц. В это время я принимала ванну в своих роскошных покоях на Олимпе, расслабленно глядя, как нектар заполняет мой пупок, — но в тот же миг, когда тяжелые сандалии попрали священные половицы моего земного пристанища, я оторвалась от созерцания своего прекрасного тела, велела наядам прекратить пляски, что они сделали с величайшей неохотой, и обернула взгляд на землю. К чести моей главной жрицы, Ксантиппа, в тот же миг шагнув вперед,

закрыла путь ближайшему воину и, хотя ее нос едва доставал до круглого выступа его нагрудника, улыбнулась с едва заметной тенью разочарования.

— Славные странники, — провозгласила она, — если вы пришли сюда вознести хвалу милостивой богине Афродите, добро пожаловать. Но мы не оскверняем ее святилища оружием и не приносим в ее честь никаких даров, кроме величайшего наслаждения, искреннего расположения и радости.

Воин, возглавляющий отряд, — обладатель скульптурного подбородка и впечатляющих бедер, что при других обстоятельствах меня бы весьма заинтересовало, — на мгновение задумался. Затем схватил мою жрицу за плечо и толкнул ее — на самом деле *толкнул* мою жрицу прямо под сводами *моего* святилища! — с такой силой, что она потеряла равновесие и покачнулась, тут же подхваченная одной из сестер, предотвратившей ее падение.

Золотой нектар выплеснулся за край ванны, блестящими лужицами собравшись на белом мраморном полу, когда я резко села, вскинув длинную, гладкую как шелк руку. Проклятие на этого вояку я наложила, едва замечая, что делаю: он полюбит, будет пылать от страсти и, когда отдаст чувствам всего себя, будет предан. А *после* этого пострадают и его гениталии. Никто, перешедший дорогу Афродите, не останется без весьма очевидных последствий.

Когда порог моего храма переступил следующий воин, а за ним — еще один, не потрудившись соблюсти положенные церемонии и ритуалы в мою честь, я велела земле дрогнуть под их ногами. И вот она содрогнулась, ведь, несмотря на то что в землетрясениях я не сильна, почва под ногами моих почитателей не станет сопротивляться воле даже самой мягкосердечной из богинь. Но эти глупцы все так же шли вперед, и, когда последний воин переступил порог и принялся разглядывать внутреннее

святилище храма, будто овцу на рынке, я вскинула пальцы, все еще покрытые золотистой жидкостью, и приготовилась обречь их на невыразимые страдания и неизбежное горе, поразить их души и тела столь страшной карой, что даже Гера, питающая слабость к гротеску, отвернулась бы от них.

Но не успела моя кара обрушиться на них, превращая в проклятого каждого, кто осмелился своими заскорузлыми руками скинуть возложенные на алтарь цветы или сдернуть простыни с теплого ложа, на котором совершался священный обряд единения тел, как над петлями пыльных тропок и крышами покосившихся хижин, окружающих мой храм, раздался еще один голос.

— Мужи Спарты! — вещал он и звучал так чудесно и сильно, будто принадлежал капитану судна, находящегося в бушующем море, или воину на стенах павшей крепости. — Осквернители сего святого места, это нас вы ищете!

Мужчины внутри храма прекратили обыск и с мечами наизготовку снова вышли наружу, где кровавые лучи заката запылали на плюмажах их высоких шлемов. Я все равно наслала на них проклятие, болезнь, поражающую чресла, что будет развиваться, постепенно, но неотвратимо, до тех пор пока они не бросятся в ноги моим жрицам и не взмолятся о милосердии. Разобравшись с этим, я позволила себе полюбопытствовать, что за сцена разворачивается у входа в мой храм, что за ничтожная смертная зараза посмела помешать моим вечерним омоновениям.

Там, где прежде стоял один отряд вооруженных мужчин, теперь было уже два. Первые, те самые проклятые мной мужланы в бронзовых панцирях, выстроились по-военному ровным строем и стояли спиной к заходящему солнцу с сурово сжатыми губами, в то время как остальные черты их лиц были наполовину скрыты шлемами, все так же красующимися на головах. На вторых были пропыленные

плащи коричневого и зеленого цветов, и никаких шлемов. Они столпились небольшой кучкой у начала тропы, по которой пришли.

— Мужа Спарты, — повторил командир второго отряда, очаровашка, *непоколебимый*: именно это слово подходило ему лучше всего, так непоколебимо звучал его голос и хмурился лоб; мне иногда весьма по душе такой типаж, — почему вы явились сюда с оружием? Почему совершили святотатство в этом царстве покоя и умиротворения?

Один из вооруженных воинов — тех самых, кто вскоре обнаружит, что их мужское достоинство превратилось в бесформенный, воспаленный отросток под туникой, — вышел вперед.

— Ясон, не так ли? Ясон из Микен.

Ясон — очень красивое имя, решила я — положил руку на рукоять меча, не удостоив нечестивцев ни улыбки, ни вежливого поклона.

— Я повторю свой вопрос, а затем велю вам убираться. У Спарты нет здесь власти. Считайте удачей, что вы все еще дышите.

Руки сжались на рукоятках мечей. Замедлилось дыхание тех, кто умел сражаться, чаще задышали те, кто еще не сталкивался с жестокостью кровавой схватки. Ксантиппа, успевшая согнать сестер в храм, заперла тяжелые двери на засов, отгородившись от внешнего мира. Последний кусочек заходящего солнца на слишком уж долгое мгновение замер над горизонтом: любопытство, должно быть, ненадолго возобладавало над священными обязанностями небесных возничих, — прежде чем погрузиться в западное море, оставив пылающее багрянцем небо, как эхо уходящего дня.

Рука Ясона сжала рукоять, и я откликнулась стуком его сердца: «Да, да, сделай это, да!» Он вздрогнул от моего божественного прикосновения, как обычно и бывает,

когда Афродита снисходит к смертным, и в груди его вспыхнула нестерпимая жажда.

«*Выхвати свой меч, — шепчу я ему, — порази этих осквернителей!*» Его сердце стучит чаще; чувствует ли он мою хватку на своем запястье, ощущает ли возбуждение, которому не видит причин, но от которого быстрее бежит кровь и теснит в груди? Среди воинов немало тех, кто ощущал, как в какой-то точке страх, ярость, паника и похоть сливаются в одно; когда мною пренебрегают, я с готовностью встречаю их там.

Затем зазвучал еще один голос, нарушивший напряженное, угрожающее молчание тех, кто сжимал рукояти и сдерживал дыхание в ожидании битвы, — голос одновременно и новый, и знакомый. Я вздрогнула от удивления, услышав его, и ощутила, как такое же потрясенное узнавание стеснило грудь Ясона, стоило только словам произносящего их елеем разлиться в сумерках.

— *Добрые друзья, — провозгласил он, — это место — обитель любви. И именно с любовью мы пришли сюда.*

Тут говорящий вышел вперед. На нем не было брони, лишь плащ густого винного цвета, укрывавший его с тех пор, как он отплыл из Трои. Его чело венчала корона густых темных кудрей, чуть тронутых сединой, а мощная шея казалась настолько неохватной, что голова, горло и грудь выглядели единым целым, а не тремя разными частями тела. Ростом он не отличался от прочих, но вот ладони — какие ладони! Такие широкие и плотные, что они, казалось, легко раздавят череп взрослого мужчины. Руки, способные пробить врага копьем, зарубить мечом, вырвать сердце из тех, кто вряд ли когда-нибудь появится в Греции. Именно эти руки первым делом привлекали к себе внимание слушателей, но стоило мужчине снова заговорить, как все тут же обращало взор на его лицо, чтобы сразу отвести глаза, ведь лишь фуриям сродни стужа в его взгляде. Губы

его растянулись в улыбке, ничуть не затронувшей глаз; впрочем, даже я — та, чья память подобна безграничному звездному небу, — не могла припомнить, чтобы эти глаза когда-либо улыбались, не считая пары раз в далеком младенчестве, задолго до воскрешения древних проклятий и начала новых войн.

Ясон не выпустил рукояти меча, но даже он, мой храбрый маленький воитель, ощутил, как слабеют ноги под взглядом этого человека, с раскинутыми руками пробирающегося через строй осквернителей. На мгновение даже я засомневалась, скрываются ли за его улыбкой искреннее поклонение или святотатственные намерения; собирается ли он вознести благовония и зерно на мой алтарь или отдаст приказ спалить мое святилище дотла. Я заглянула в его душу в поисках ответа и ничего не увидела. Я, рожденная из священной пены и южного ветра, я пыталась читать в его сердце и потерпела неудачу, ведь он и сам не знал ответа; но меня это лишь испугало.

Тут он снова обратил всю мощь своей улыбки на Ясона и на манер учителя, стремящегося подтолкнуть ученика к самостоятельным открытиям, произнес:

— Славный Ясон, слух о доблести твоей долетел и до нашей крошечной Спарты. Я и представить себе не мог, что наткнусь на тебя в месте, столь... неожиданным, как это, но, очевидно, тут возникло некоторое недопонимание. Когда забота о благополучии всего, что дорого: царства, самого сердца Греции, благословенной земли, вскормившей нас, — следует отринуть все ожидания — все привычные ожидания, если эта их привычность встает между тобой и твоим долгом, а иногда и честью. Полагаю, ты это понимаешь, не так ли?

Ясон не ответил. Ничего удивительного: немногие осмелились бы вставить хоть слово, когда говорит этот человек.

— Сказать по правде, мои люди устали. Вроде бы не должны были, но, хоть и стыдно, приходится это признать. Было время, когда мужчины, настоящие мужчины, могли обходиться без еды и питья пять дней, вступить в бой и выйти победителями, но, боюсь, те времена прошли, и следует смириться с тем, что нынешние воины куда слабее и глупее. Ведь нужно быть настоящими глупцами, чтобы заявиться сюда с такой безумной дерзостью. Я отдам тебе... жизни троих из них, если пожелаешь, в искупление. Выбирай которых.

Спартанцы если и были встревожены намерением своего вождя предать троих из них немедленной и бесчестной казни, но никак этого не показали. Возможно, их царь устраивал подобное не впервые — или они были слишком поглощены неприятными ощущениями (мое проклятие уже начало действовать), чтобы оценить всю опасность ситуации.

До Ясона не сразу дошла искренность этого предложения, но вот наконец он качнул головой. Однако такого ответа оказалось недостаточно. Его собеседник глядел на него, чуть склонив голову, будто спрашивал: «Сам не выберешь?» — и потому Ясон в итоге выпалил:

— Я... Нет. Твоего слова достаточно. Твоего слова... более чем достаточно.

— Моего слова? Моего слова. — Мужчина словно попробовал эту мысль на вкус, пропустил через сердце и разум, насладился ее ароматом и наконец выплюнул. — Славный Ясон, какое утешение для меня — знать, что в Микенах не перевелись еще такие люди, как ты. Люди, которые верят... словам. Твоя верность — истинное благо для моего племянника. Именно это ему сейчас и нужно. Сегодня ему необходима верность каждого из нас. Такие уж нынче времена.

Он снова замолк, словно давая возможность Ясону ответить, и Ясон опять не воспользовался ею. Мужчина

вздыхнул: подобный ход беседы его разочаровал, но не удивил. Он привык к тому, что его голос звучит в одиночестве, но даже не задумывался почему. Он шагнул ближе к Ясону, затем, когда тот не отшатнулся, подошел вплотную, положил руку на его плечо, улыбнулся, сжал. Двумя пальцами он легко мог расколоть грецкий орех, а однажды свернул человеку шею, едва приложив усилия. Но Ясон был храбр, он не дрогнул. Это понравилось мужчине. В последнее время его мало что радовало, если это не имело отношения к боли.

— Что ж, — вздохнул он наконец, — Ясон. Ясон из Микен. Мой добрый друг Ясон. Значит, так. Позволь-ка мне спросить тебя как любящему дядюшке, как верному слуге, как скромному подданному нашего царя царей Ореста Микенского, твоего благородного господина, моего драгоценного племянника. Позволь мне спросить тебя. Позволь спросить.

Менелай — царь Спарты, муж Елены, брат Агамемнона, тот, кто попирал ногами пепелище, оставшееся от Трои, и разбивал головы младенцам; тот, кто каждую ночь в самом потаенном уголке своей души клялся оставаться моим врагом навечно, как будто клятвы смертных хоть что-то значат для богов, — сейчас склонился к покрывшемуся холодным потом микенскому воину и выдохнул ему прямо в ухо тихим голосом, который когда-то велел миру разлететься в клочья:

— *Где, псы вас раздери, Орест?*